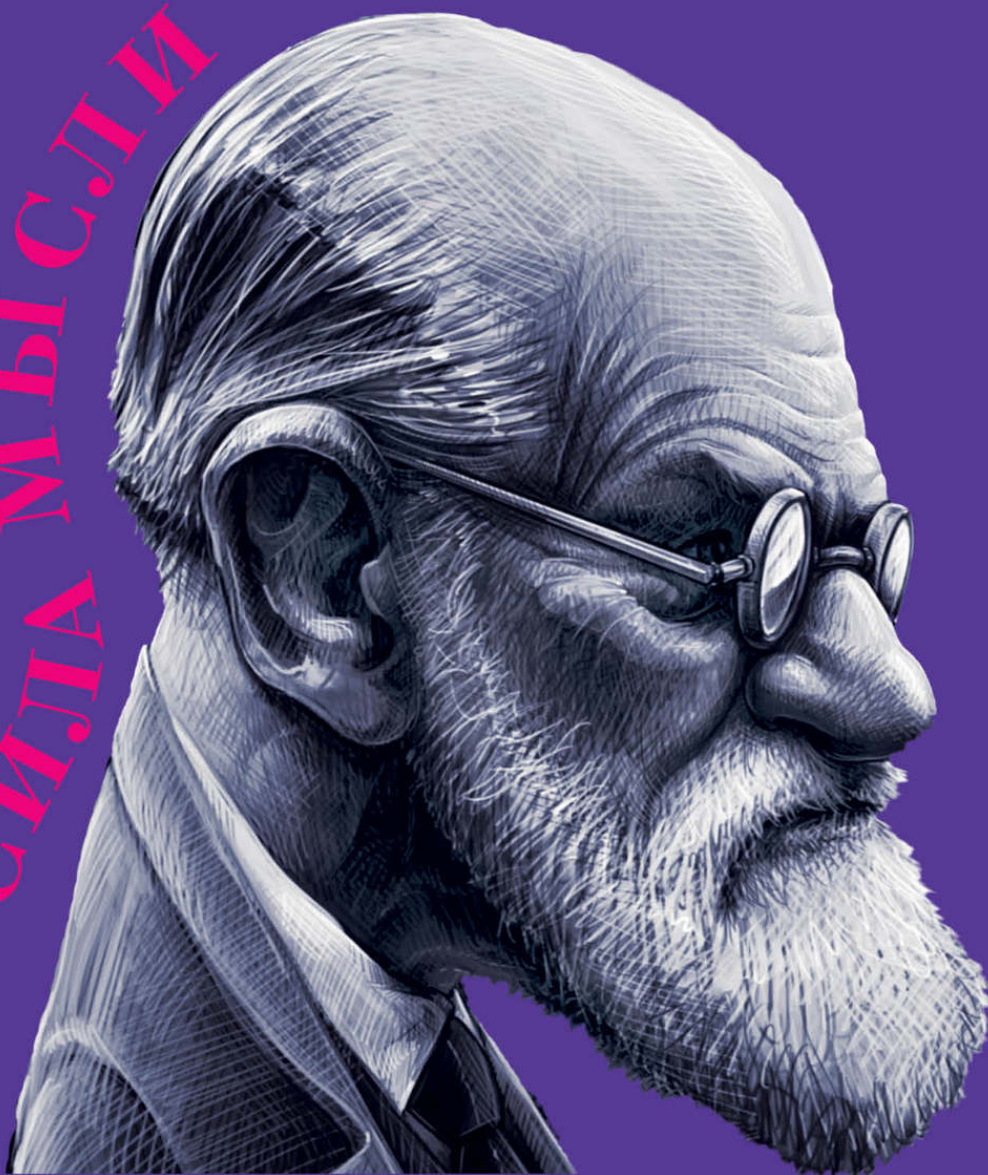

СИЛА МЫСЛИ

ЗИГМУНД
ФРЕЙД

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

ДЕМОНЫ ВНУТРИ НАС

Сила мысли

Зигмунд Фрейд

**Бессознательное.
Демоны внутри нас**

«Алисторус»

УДК 616.89
ББК 88

Фрейд З.

Бессознательное. Демоны внутри нас / З. Фрейд — «Алисторус»,
— (Сила мысли)

ISBN 978-5-00180-530-4

«В основе всех наших поступков лежат желание стать великим и сексуальное влечение», - писал Зигмунд Фрейд. Основатель психоанализа, он сумел проникнуть в такие глубины человеческой души, до которых не добирался никто. Результатом его изысканий стало описание тайн подсознания, показ тех демонов, которые нашли там прибежище, и о которых зачастую не подозревает сам человек (по словам Фрейда, чем нормальнее кажется человек, тем больше демонов у него внутри). Культура XX - XXI веков во многом основана на фрейдистских представлениях, без них невозможно представить себе и современную общественную мысль. В книгу вошли самые известные работы Зигмунда Фрейда, посвященные этой теме.

УДК 616.89

ББК 88

ISBN 978-5-00180-530-4

© Фрейд З.
© Алисторус

Содержание

«Бессознательное» I	5
Что такое «бессознательное»?	5
Бывают ли «бессознательные» мысли?	8
Что такое «Я»?	11
Нарцизм и либидо	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Фрейд Зигмунд

Бессознательное. Демоны внутри нас

«Бессознательное»¹

Что такое «бессознательное»?

Здесь я хотел бы в нескольких словах и по возможности яснее определить, какой смысл придается слову «бессознательный» в психоанализе, и только в одном психоанализе.

Какое-нибудь представление – или всякий другой психический элемент – может в настоящую минуту присутствовать в моем сознании, а в следующую исчезнуть из него; по истечении определенного промежутка времени оно может снова возникнуть, как мы говорим, благодаря воспоминанию, а не вследствие нового восприятия. Считаясь с этим фактом, мы должны предполагать, что и в течение всего промежуточного периода времени представление это оставалось в нашей душе, хотя оно и было в латентном состоянии сознания.

Но у нас не может возникнуть никаких предположений относительно того, в какой форме оно могло бы существовать в нашей душевной жизни, оставаясь в то же время латентным в сознании. В этом вопросе мы должны быть готовы услышать возражение со стороны философов, что латентное представление существовало не как психологический объект, а только как физическое предрасположение к возобновлению того же психического явления, а именно: этого самого представления. На это мы можем ответить, что такая теория, собственно, далеко переходит границы психологии, что она просто обходит проблему, придерживаясь взгляда, что «сознательное» и «психическое» – тождественные понятия, и что эта теория, очевидно, неправа, отрицая за психологией право объяснить своими собственными средствами такое обычное явление в ее области, как память.

Мы хотим назвать «сознательным» представление, присутствующее в нашем сознании и воспринимаемое нами, и только в этом смысле понимать выражение «сознательное»; в противоположность этому должны быть обозначены термином «бессознательные» латентные представления, когда у нас есть основание предполагать, что они существуют в душевной жизни, как, например, в памяти.

Бессознательным представлением, следовательно, будет такое, которое мы не замечаем, но существование которого мы все-таки готовы допустить на основании других признаков и доказательств.

В этом можно было бы видеть совершенно неинтересную описательную или классификаторскую работу, если бы у нас не было других данных для суждения, кроме факта памяти или ассоциаций через посредство бессознательных их звеньев. Но общеизвестный опыт послегипнотического внушения учит нас тому, как важно отличать «сознательное» от «бессознательного» и насколько существенно такое различие.

При этом эксперименте, как его производил Бернхейм, испытуемого приводят в гипнотическое состояние, а затем будят. В то время как этот человек находится под влиянием врача в гипнотическом состоянии, врач ему внушает совершить какой-нибудь поступок в точно определенный срок, например, через полчаса. По пробуждении кажется, что гипнотизированный снова пришел в полное и обычное состояние сознания – у него нет воспоминания о гипноти-

¹ Из книг З. Фрейда «Несколько замечаний по поводу понятия “бессознательное”», «Массовая психология и анализ человеческого “Я”», «О нарцисзме», «“Я” и “Оно”».

ческом состоянии; несмотря на это, в определенный момент в нем вдруг возникает импульс к тому, чтобы совершить то или другое действие – что он и совершает в полном сознании, хотя сам не знает почему. Едва ли можно описать это явление иначе, чем такими словами: намерение это существовало у данного лица в латентной форме или бессознательно, до наступления ранее внушенного момента, – когда оно было осознано. Однако это намерение возникло в сознании не со всеми подробностями, а в виде представления о действии, которое предстоит выполнить. Все другое – идеи, ассоциативно связанные с этим представлением: внушение, психическое воздействие врача, воспоминание о гипнотическом состоянии – так и остается при этом неосознанным.

Данный опыт может научить нас еще большему. От чисто описательного он приводит нас к динамическому пониманию явления. Идея внушенного в гипнозе действия в определенную минуту не только стала объектом сознания, но она сделалась также действенной, а это и есть самая замечательная сторона такого факта: она перешла в действие, как только возникла в сознании. Так как настоящим побуждением к действию является внушение врача, то нет возможности допустить что-либо иное, как только то, что внушенная идея стала действенной.

Однако сама эта идея не проникла в сознание, так как это произошло с ее дериватом – идеей действия; она осталась бессознательной и оказалась одновременно и действенной, и бессознательной.

Послегипнотическое внушение представляет собой продукт лаборатории, искусственно созданное явление. Но если мы примем теорию истерических явлений, предложенную впервые П. Жане и разработанную Брейером и мною, то в нашем распоряжении окажется множество фактов, отличающихся психологическими признаками послегипнотического внушения в еще более ясной и очевидной форме.

Душевная жизнь истеричного больного полна действенных, но бессознательных мыслей: от них происходят все симптомы. Действительно, самую замечательную особенность истерического состояния психики составляет то, что она находится во власти бессознательных представлений. Если у истерической женщины наблюдается рвота, то это может произойти под влиянием мысли о беременности. И тем не менее, такая женщина ничего не знает об этой идее, хотя посредством одного из технических приемов психоанализа мысль эта легко может быть открыта в ее душевной жизни и сделана доступной ее сознанию. Если она проделывает все судороги и жесты, составляющие «припадок», то она вовсе не представляет себе в своем сознании тех действий, которые она намеревается выполнить, и наблюдает их, быть может, с чувством безучастного зрителя. Тем не менее, анализ может доказать, что она разыгрывает свою роль, воспроизводя в драматической форме сцену из своей жизни, воспоминание о которой было бессознательно, но действительно во время припадка. То же преобладание действенных бессознательных идей открывается психоанализом как сущность психологии всех других форм невроза.

Итак, из анализа невротических явлений мы узнаем, что латентная, или бессознательная, мысль не должна быть непременно слабой; далее, присутствие такой мысли в душевной жизни может быть доказано не прямым путем, но почти так же убедительно, как если бы это прямо доказывалось нашим сознанием. Мы считаем себя вправе привести нашу классификацию в соответствие с расширением наших знаний, основываясь на различии между этими двумя видами латентных и бессознательных мыслей. Мы привыкли думать, что всякая латентная мысль была такою вследствие своей слабости и становилась сознательной, как только приобретала силу. Теперь же мы убедились, что существуют такие латентные мысли, которые не проникают в сознание, как бы сильны они ни были. Поэтому мы считаем уместным назвать латентные

мысли первой группы предсознательными, сохраняя выражение «бессознательные» (в настоящем смысле слова) для второй группы, наблюдаемой нами при неврозах. Выражение «бессознательный», употребляемое нами до сих пор только в описательном смысле, получает теперь более расширенное значение. Оно обозначает теперь не только латентные мысли, а особенные, отличающиеся определенным динамическим признаком, а именно такие, которые остаются вдали от сознания, несмотря на свою интенсивность и действенность.

Бывают ли «бессознательные» мысли?

Прежде чем продолжать свое изложение, я хочу коснуться двух возражений, которые считаю весьма вероятными в этом пункте. Первое может быть сформулировано следующим образом: вместо того чтобы допустить гипотезу о бессознательных мыслях, о которых мы ничего не знаем, не лучше ли нам предположить, что сознание может быть разделено, так что отдельные мысли или другие душевные процессы могут образовать особое сознание, отделенное от главного ядра сознательной психической деятельности и чуждое ей. Общеизвестные патологические случаи, как, например, случай, описанный доктором Азамом, очень убедительно доказывают, что идея разделения сознания не является пустой фантазией.

Я позволю себе упрекнуть эту теорию в том, что она базируется на злоупотреблении словом «сознательный». Мы не имеем права так расширить смысл слова «сознательный», чтобы обозначать им и такое сознание, о котором обладатель его ничего не знает. Если философы видят затруднение в том, чтобы допустить существование бессознательной мысли, то существование бессознательного сознания кажется мне еще более спорным. Случаи, приводимые как пример разделения сознания, вроде случая доктора Азама, могли бы скорее рассматриваться как передвижение сознания, состоящее в том, что эта функция – или что-то в этом роде – колеблется между двумя психическими комплексами, которые становятся поочередно сознательными и бессознательными.

Второе предполагаемое мною возражение может заключаться в том, что мы применяем к психологии нормальных людей те следствия, к которым привело нас изучение патологических состояний. На это мы можем возразить указанием на факт, ставший известным для нас благодаря психоанализу. Известные нарушения функций, случающиеся очень часто у здоровых людей, например, *Lapsus linguae*, ошибки памяти и речи, забывание имен и т. д., могут быть легко объяснены влиянием сильных бессознательных мыслей точно так, как невротические симптомы. А в дальнейшем изложении мы еще встретимся со вторым, более убедительным доказательством.

Придерживаясь разделения на предсознательные и бессознательные мысли, мы можем оставить область классификаций и составить себе определенное представление о функциональном и динамическом отношениях в душевной деятельности. Мы нашли действенное предсознательное, которое переходит без всяких затруднений в сознание, и действенное бессознательное, остающееся бессознательным, как бы отрезанным от сознания.

Мы не знаем, идентичны ли эти два вида психической деятельности с самого начала, или же они по существу своему противоположны; но мы можем поставить вопрос, почему они становятся различными в течение того времени, когда протекают психические процессы. На этот вопрос психоанализ немедленно дает нам ясный ответ. Продукты действенного бессознательного никоим образом не могут проникнуть в сознание, и для того, чтобы они смогли это сделать, необходимо известное усилие. Если мы пробуем сделать это на самих себе, то получаем ясное чувство отпора, который нужно преодолеть, а когда мы вызываем у наших больных такое стремление продуктов бессознательного проникнуть в сознание, то получаем вполне ясные признаки того, что называется сопротивлением.

Таким образом мы узнаем, что бессознательная мысль исключается из сознания живыми силами, сопротивляющимися тому, чтобы она проникла туда, между тем как другим мыслям, предсознательным, эти силы не стоят на пути. Психоанализ не оставляет места никакому сомнению в том, что это недопущение бессознательных мыслей в сознание обусловлено исклю-

чительно заключающимися в содержании их тенденциями. Самая естественная и вероятная теория, которую мы при настоящем состоянии наших знаний можем построить, такова: бессознательное составляет регулярную неизбежную фазу в процессах, лежащих в основе нашей психической деятельности; каждый психический акт начинается как бессознательный и может таким и остаться или же, развиваясь дальше, проникнуть в сознание, в зависимости от того, наталкивается он на сопротивление или нет. Различие между предсознательной и бессознательной деятельностью не первичное, а образуется лишь после того, как начинает свою деятельность «отпор». Только тогда получает теоретическое и практическое значение различие между предсознательными мыслями, которые появляются в сознании и каждую минуту могут туда вернуться, и бессознательными мыслями, для которых это остается недоступным. Грубую, но довольно подходящую аналогию этого предполагаемого отношения сознательной деятельности к бессознательному представляет область обыкновенной фотографии. Первой стадией фотографии является негатив; каждый портрет должен непременно проделать этот «негативный процесс», и некоторые из этих негативов, выдержавшие испытание, допускаются до «позитивного» процесса, кончающегося портретом.

Но различие предсознательной и бессознательной деятельности и познание разделяющей их грани вовсе не есть еще последний и самый значительный результат психоаналитического исследования душевной жизни. Существует психический продукт, который встречается у самых нормальных людей и тем не менее представляет собой разительную аналогию с самыми дикими продуктами бреда безумия, и был для философов так же непонятен, как и само безумие. Я подразумеваю сновидения. Психоанализ основывается на анализе сновидений; толкование сновидений является самой совершенной работой, сделанной до настоящего времени этой молодой наукой.

Типичный случай образования сновидения может быть описан следующим образом: душевная деятельность в течение дня вызвала ход мыслей, сохранивших известную способность действия, благодаря чему на них не распространяется то общее понижение интереса, которое вызывает сон и составляет психическую подготовку к нему. В течение ночи этому ходу мыслей удастся найти связь с каким-либо одним из бессознательных желаний, которые уже с самого детства всегда существовали в нашей душевной жизни, но обычно были вытеснены и исключены из сознания. Эти мысли, эти остатки дневной работы психики, усилившиеся благодаря такой бессознательной поддержке, становятся опять действенными и всплывают в сознание в виде сна.

Таким образом, все сводится к троякого рода процессам:

1. Мысли претерпели те превращения, искажения и за-маскирования, посредством которых проявляется участие бессознательного в образовании сновидений.
2. Мыслям удалось завладеть сознанием в такое время, когда оно не должно быть им доступным.
3. Частица бессознательного проникла в сознание, что ей при обычных условиях не удалось бы.

Мы научились искусству находить «остаточные впечатления дня» (Tagesreste) и «скрытые мысли сновидения»; сравнивая их с «явным содержанием сновидения», мы получаем возможность составить себе представление о всех изменениях, которые с ними произошли, и выяснить те способы, посредством которых это произошло.

Латентные мысли сновидения, таким образом, не отличаются ничем от нашей обычной сознательной душевной деятельности. Они заслуживают названия предсознательных мыслей и, действительно, в известные моменты в состоянии бодрствования они могут быть осознаны.

Но благодаря связи с бессознательными стремлениями, возникшей в течение ночи, они ассимилировались с последними и низведены в известном смысле до состояния бессознательных мыслей, а потому подвержены законам, управляющим бессознательной деятельностью. Здесь мы имеем случай узнать то, до чего никогда не могли прийти путем теоретических соображений или из какого-нибудь другого источника эмпирических знаний, а именно: законы бессознательной душевной деятельности в очень многих отношениях отличаются от законов, которым подчинена деятельность сознания. Углубляясь в подробности, мы приобретаем знание особенностей бессознательного и можем надеяться, что основательное исследование процессов образования сновидений откроет нам еще больше.

Это исследование едва ли наполовину уже закончено, и невозможно изложить достигнутые до настоящего времени результаты, не углубляясь в чрезвычайно сложные проблемы толкования сновидений. Но я не хотел окончить свое изложение, не указав на те изменения и успехи в нашем понимании бессознательного, которым мы обязаны психоаналитическому изучению сновидений.

Бессознательное казалось нам сначала только загадочной особенностью известного психического процесса; теперь оно имеет для нас большее значение, являясь признаком того, что данный процесс принимает участие в природе определенной психической категории, знакомой нам по другим, еще более значительным характерным особенностям, и что он принадлежит системе психической деятельности, заслуживающей нашего самого серьезного внимания. Ценность бессознательного как показателя особой системы психики гораздо большая, чем его значение как качественной категории. Всей системе, которая дает нам о себе знать благодаря тому своему отличительному признаку, вследствие которого отдельные процессы, ее составляющие, бессознательны, мы даем имя «бессознательное» – за недостатком другого лучшего, менее двусмысленного выражения. Я предлагаю обозначать эту систему буквами Ubw, представляющими собой сокращение слова «Unbewusst».

Это и есть третье и самое важное значение, которое приобрело в психоанализе название «бессознательное».

Что такое «Я»?

Идентификация известна в психоанализе как самое раннее проявление эмоциональной привязанности к другому человеку. Она играет определенную роль в развитии Эдипова комплекса. Маленький мальчик проявляет особый интерес к своему отцу. Он хотел бы стать и быть таким, как он, быть на его месте во всех случаях. Мы говорим с уверенностью: отец является для него идеалом. Это отношение не имеет ничего общего с пассивной или женственной установкой к отцу (и к мужчине вообще), оно является, наоборот, исключительно мужским. Оно отлично согласуется с Эдиповым комплексом, подготовке которого оно способствует.

Одновременно с этой идентификацией с отцом мальчик начинает относиться к матери как к объекту опорного типа. Итак, он проявляет две психологически различные привязанности: к матери – чисто сексуальное объектное влечение, а к отцу – идентификацию с идеалом. Обе привязанности существуют некоторое время одна наряду с другой, не оказывая взаимного влияния и не мешая друг другу. Вследствие безостановочно прогрессирующего объединения душевной жизни они наконец сталкиваются, и благодаря этому стечению возникает нормальный Эдипов комплекс. Ребенок замечает, что отец стоит на пути к матери; его идентификация с отцом принимает теперь враждебный оттенок и становится идентична желанию занять место отца также и у матери. Идентификация амбивалентна с самого начала, она может служить выражением нежности, равно как и желания устранить отца. Она ведет себя как отпрыск первой оральной фазы либидинозной организации, во время которой внедряют в себя любимый и ценный объект путем съедения и при этом уничтожают его как таковой. Людоед остается, как известно, на этой точке зрения: он пожирает как своих врагов, так и тех, кого он любит.

Судьба этой идентификации с отцом потом легко теряется из виду. Может случиться так, что в Эдиповом комплексе происходит изменение в том смысле, что отец при женственной установке принимается за объект, от которого прямые сексуальные влечения ожидают своего удовлетворения, и тогда идентификация с отцом становится предтечей объектной привязанности к отцу. То же самое относится к маленькой дочери в ее взаимоотношениях с матерью. Отличие такой идентификации с отцом от выбора отца как объекта легко формулировать. В первом случае отец является тем, чем хотят быть, во втором случае – тем, чем хотят обладать.

Итак, отличие заключается в том, относится ли эта привязанность к субъекту или к объекту человеческого «Я». Поэтому первая привязанность может существовать еще до выбора сексуального объекта. Гораздо труднее наглядно изложить это различие метапсихологически. Нужно только отметить, что идентификация стремится к сформированию своего «Я» по образцу другого человека, который берется за «идеал».

Из более запутанной связи мы выделяем идентификацию при невротическом симптомо-комплексе. Маленькая девочка, которую мы наблюдаем, проявляет тот же самый болезненный симптом, что и ее мать, например, тот же самый мучительный кашель. Это может происходить различными путями. Это – либо идентификация с матерью, порожденная Эдиповым комплексом, означающая враждебное желание занять место матери, и этот симптом является выражением любви к отцу как к объекту; он реализует замену матери, находясь под влиянием сознания своей виновности: ты хотела быть матерью, теперь ты являешься ею, по крайней мере, в страдании. Это – полный механизм образования истерического симптома. Или же этот симптом идентичен симптому любимого лица (так, например, Дора в «Bruchstück einer Hysterie-Analyse» имитировала кашель отца); в этом случае мы могли бы описать суть вещей таким образом, что идентификация заняла место выбора объекта, а выбор объекта деградировал до

идентификации. Мы слышали, что идентификация является самой ранней и самой первоначальной формой эмоциональной привязанности; при наличии образования симптомов, следовательно, вытеснения и при господстве механизмов бессознательного часто происходит так, что выбор объекта опять становится идентификацией, т. е., что «Я» берет на себя качества объекта. Интересно отметить, что «Я» копирует при идентификациях иногда любимое лицо, а иногда – нелюбимое. Нам должно также придти в голову, что в обоих случаях идентификация является только частичной, в высшей степени ограниченной, что она заимствует лишь одну черту объектного лица.

Третьим особенно частым и важным случаем образования симптома является тот случай, когда идентификация совершенно не обращает внимания на объектное соотношение к лицу, которое она копирует. Когда, например, девушка, живущая в пансионате, получает письмо от своего тайного возлюбленного, возбуждающее ее ревность, и реагирует на него истерическим припадком, то некоторые из ее подруг, знающие об этом, заражаются этим припадком, как мы говорим, путем психической инфекции. Здесь действует механизм идентификации, происходящей на почве желания или возможности находиться в таком же положении. Другие тоже хотели бы иметь тайную любовную связь и соглашались под влиянием сознания своей виновности также и на связанное с ней страдание. Было бы неправильно утверждать, что они присваивают себе этот симптом из сострадания. Наоборот, сострадание возникает лишь из идентификации, и доказательством этого является тот факт, что такая инфекция или имитация возникает и при таких обстоятельствах, когда предшествующая симпатия меньше той, которая имеет обычно место между подругами по пансиону. Одно «Я» почувствовало в другом существенную аналогию в одном пункте, в нашем примере – в одной и той же готовности к чувству; на основании этого создается идентификация в этом пункте, и под влиянием патогенной ситуации идентификация передвигается на симптом, продуцируемый человеческим «Я». Идентификация через симптом становится, таким образом, признаком скрытого места у обоих «Я», которое должно было бы быть вытеснено.

Мы можем объединить изученное в этих трех источниках: во-первых, идентификация является самой первоначальной формой эмоциональной привязанности к объекту, во-вторых, она становится путем регрессии заменой либидинозной привязанности к объекту, как будто путем интроекции объекта в «Я», и в-третьих, она может возникнуть при каждой вновь подмеченной общности с лицом, не являющимся объектом полового влечения. Чем значительнее эта общность, тем успешнее должна быть эта частичная идентификация, дающая, таким образом, начало новой привязанности.

Мы догадываемся, что взаимная привязанность индивидов, составляющих массу, является по своей природе такой идентификацией в силу важной аффективной общности, и мы можем предположить, что эта общность заключается в привязанности к вождю. Мы, конечно, далеки от того, чтобы считать проблему идентификации исчерпанной; мы стоим у преддверия того, что психология называет «вчувствованием» и что принимает наибольшее участие в нашем понимании чуждого «Я» других лиц. Но мы ограничиваемся здесь ближайшими аффективными проявлениями идентификации и оставляем в стороне ее значение для нашей интеллектуальной жизни.

Психоаналитическое исследование, затронувшее вскользь и более трудные проблемы психозов, может указать нам на идентификацию также и в некоторых других случаях, не совсем доступных нашему пониманию. Два из этих случаев я подробно разберу для наших дальнейших рассуждений.

Генезис мужской гомосексуальности в целом ряде случаев таков: молодой человек был чрезвычайно долго и интенсивно фиксирован на своей матери в смысле Эдипова комплекса. Однако после периода половой зрелости наступает наконец время, когда необходимо променять мать на другой сексуальный объект. Тогда дело принимает неожиданный оборот: юноша покидает свою мать, он идентифицирует себя с ней, он превращается в нее и ищет теперь объекты, которые могли бы заменить ему его «Я», которые он мог бы так любить и ласкать, как мать проявляла это к нему. Это – частый процесс, который может быть подтвержден в любом случае и который, разумеется, совершенно независим от какого бы то ни было предположения об органической подкладке и о мотивах этого внезапного изменения. В этой идентификации поразительно ее большее содержание; она видоизменяет человеческое «Я» в крайне важном вопросе, в сексуальном характере, по прототипу существовавшего до сих пор объекта. При этом самый объект покидается: будет ли это окончательно или только в том смысле, что он сохраняется в бессознательной сфере – это не входит в вопросы нашей дискуссии. Идентификация с объектом, от которого человек отказался или который утрачен, с целью замены его, интроекция этого объекта в свое «Я» не является, конечно, новостью для нас. Такой процесс можно иногда наблюдать непосредственно у маленького ребенка. Недавно в «*Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse*» было опубликовано такое наблюдение: ребенок, чувствовавший себя несчастным вследствие потери котенка, объяснил, недолго думая, что он теперь сам котенок; он ползал соответственно этому на четвереньках, не хотел есть за столом и т. д.

Другой пример такой интроекции объекта дал нам анализ меланхолии; этот аффект насчитывает среди своих важнейших причин реальную или аффективную утрату любовного объекта. Основной характерной чертой этих случаев является жестокое самоунижение человеческого «Я» в связи с беспощадной критикой и жестокими самоупреками. Анализ выяснил, что эта критика и эти упреки в сущности относятся к объекту и являются мстью человеческого «Я» этому объекту. Тень объекта упала на «Я», сказал я в другом месте. Интроекция объекта выступает здесь с несомненной очевидностью.

Но меланхолия выявляет и нечто другое, что может быть важным для наших дальнейших рассуждений. Она показывает нам человеческое «Я» разделенным, распавшимся на две части, одна из которых неистовствует против другой. Эта другая часть видоизменена интроекцией, она включает утраченный объект. Но и та часть, которая проявляет себя столь свирепо, небезызвестна нам: она включает совесть, критическую инстанцию в «Я», которая и в нормальном состоянии также критически противопоставляет себя «Я», но она никогда не делает этого столь неумолимо и столь несправедливо. Мы уже раньше имели повод (нарциссизм, печаль и меланхолия) сделать предположение, что в нашем «Я» развивается такая инстанция, которая может обособиться от остального «Я» и вступить с ним в конфликт. Мы назвали ее «Я»-идеалом и приписали ей функции самонаблюдения, моральной совести, цензуры сновидения и главную роль при вытеснении. Мы сказали, что она является преемником первоначального нарциссизма, в котором детское «Я» находило свое самоудовлетворение. Постепенно она восприняла из окружающей среды те требования, которые последняя предъявляла к «Я» и которые «Я» не всегда могло исполнить, и человек, не будучи доволен своим «Я», имел все-таки возможность находить свое удовлетворение в дифференцированном из «Я» «Я»-идеале. Далее, мы установили, что в бреде наблюдения (*Beobachtungswahn*) становится очевидным распад этой инстанции, и при этом открывается ее происхождение из влияния авторитетов, прежде всего родителей. Но мы не забыли указать, что размеры отстояния этого «Я»-идеала от актуального «Я» чрезвычайно варьируют для каждого отдельного индивида и что у многих эта дифференцировка внутри «Я» не идет дальше, чем у ребенка...

Каждый индивид участвует во многих массовых душах, в душе своей расы, сословия, религии, государства и т. д. и, кроме того, он до некоторой степени самостоятелен и оригинален. Эти стойкие и длительные массы в своих мало видоизменяющихся проявлениях бросаются в глаза меньше, чем быстро образующиеся непостоянные массы, по которым Лебон набросал блестящую характеристику массовой души, и в этих шумных эфемерных массах, как бы возвышающихся над другими массами, происходит чудо: бесследно (хотя бы только на короткое время) исчезает то, что мы называли индивидуальностью. Мы поняли это чудо так, что индивид отказывается от своего идеала и заменяет его массовым идеалом, воплощающимся в вожде. Правильнее говоря, это чудо не во всех случаях одинаково велико. Отграничение «Я» от «Я»-идеала у многих индивидов не произведено еще достаточно резко; оба они еще легко совпадают; «Я» часто сохраняет для себя свою прежнюю нарциссическую самовлюбленность. Благодаря этому чрезвычайно облегчается выбор вождя. Часто он должен обладать лишь типичными свойствами этих индивидов в очень резком и чистом виде, он должен производить впечатление большой силы и либидинозной свободы; ему навстречу приходит потребность в сильном начальнике; она наделяет его сверхсилой, на которую он раньше, может быть, не претендовал бы. Другие индивиды, «Я»-идеал которых воплотился бы в его личности лишь при условии корректуры, увлекаются затем суггестивно, т. е. путем идентификации.

Мы замечаем, что предложенное нами объяснение либидинозной структуры массы сводится к отграничению «Я» от «Я»-идеала и к возможному вследствие этого двойному виду привязанности: идентификация и замена «Я»-идеала объектом. Предположение такой ступени в «Я» как первый шаг анализа человеческого «Я» должно постепенно найти свое подтверждение в самых различных областях психологии. В своей статье «Zur Einführung des Narzissmus» я собрал прежде всего весь патологический материал для обоснования выделения этой черты. Следует ожидать, что значение нарциссизма окажется гораздо большим при углублении в психологию психозов. Вспомним о том, что «Я» играет роль объекта в отношении к развивающемуся из него «Я»-идеалу, что, может быть, все взаимодействия, изученные нами в учении о неврозах между внешним объектом и совокупным «Я», повторяются на этой новой арене внутри «Я».

Я хочу проследить здесь лишь одно из всех возможных с этой точки зрения следствий и продолжить, таким образом, обсуждение проблемы, которую я оставил неразрешенной в другом месте. Каждая из душевных дифференцировок, с которыми мы познакомились, представляет новую трудность для душевной функции, повышает ее лабильность и может явиться исходным пунктом отказа от функции заболевания. Так, мы, родившись, сделали шаг от абсолютно самодовольного нарциссизма к восприятию изменчивого внешнего мира и к началу нахождения объекта; в связи с этим находится тот факт, что мы не можем находиться в этом состоянии в течение долгого времени, что мы периодически покидаем его и возвращаемся во сне к прежнему состоянию отсутствия раздражений и избегания объектов. Конечно, мы следуем при этом указанию внешнего мира, который временно лишает нас большей части действующих на нас раздражений путем периодической смены дня и ночи. Другой, более важный для патологии пример не подлежит такому ограничению. В течение нашего развития мы разделили весь наш душевный мир на связное «Я» и настоящее вне «Я» бессознательное вытесненное, и мы знаем, что стабильность этих новообразований подвержена постоянным потрясениям. В сновидении и в неврозе этот выключенный из нашего сознания материал стучится в охраняемые сопротивлением ворота, а в здоровом бодрствующем состоянии мы пользуемся особыми приемами для того, чтобы временно включить в наше «Я» вытесненный материал, обходя сопротивление и извлекая из этого удовольствие. Остроумие и юмор, а отчасти и коми-

ческое вообще, должны рассматриваться с этой точки зрения. Каждому знатоку психологии неврозов известны такие примеры, имеющие меньший масштаб, но я спешу вернуться к нашей цели.

Можно представить себе, что и отграничение «Я»-идеала от «Я» не может существовать долго и должно подвергаться по временам обратному развитию. При всех запретах и ограничениях, накладываемых на «Я», происходит, как правило, периодический прорыв запретного, как показывает институт праздников, являвшихся первоначально не чем иным, как запрещенными законом эксцессами, и этому освобождению от запрета они обязаны и своим веселым характером. Сатурналии римлян и наш теперешний карнавал совпадают в этой существенной отличительной черте с празднествами первобытных людей, которые обычно сочетали с развратом различные нарушения священнейших запретов. А «Я»-идеал охватывает сумму всех ограничений, которым подчиняется «Я», и потому упразднение идеала должно было бы быть величайшим праздником для «Я», которое опять могло бы быть довольно собой. Когда в «Я» что-нибудь совпадает с «Я»-идеалом, то всегда возникает ощущение триумфа. Чувство вины (и чувство малоценности) тоже могут быть поняты как разногласие между «Я» и «Я»-идеалом.

Как известно, есть люди, настроение которых периодически колеблется от чрезмерной подавленности через некоторое среднее состояние до повышенного самочувствия, и действительно, эти колебания наступают в различной по величине амплитуде, от едва заметной до самой крайней; они врываются крайне мучительно или разрушающе в жизнь больного в виде меланхолии или мании. В типических случаях этого циклического расстройства внешние поводы как будто не играют решающей роли: из внутренних мотивов у этих больных находят то же, что у всех людей. Поэтому вошло в обыкновение трактовать эти случаи как непсихогенные. О других тождественных случаях циклического расстройства, которые легко могут быть сведены к душевным травмам, речь будет впереди.

Обоснование этих произвольных колебаний настроения нам, следовательно, неизвестно. У нас нет знания механизма смены меланхолии манией. Для этих больных могло бы иметь значение наше предположение о том, что их «Я»-идеал растворился в «Я», в то время как до того он был очень требователен к «Я».

Мы решительно избегаем неясностей: на основе нашего анализа «Я» несомненно, что у маниакального больного «Я» сливается с «Я»-идеалом, и человек радуется отсутствию задержек, опасений и самоупреков, находясь в настроении триумфа и самодовольства, не нарушаемом никакой самокритикой. Менее очевидно, но все же весьма вероятно, что страдание меланхолика является выражением резкого разногласия между обеими инстанциями «Я». В этом разногласии чрезмерно чувствительный идеал выражает свое беспощадное осуждение «Я» в бреде унижения и самоунижения. Нерешенным остается только вопрос, нужно ли искать причину этой перемены соотношения между «Я»-идеалом в выше постулированных периодических протестах против нового института, или виною этому другие соотношения.

Переход в маниакальное состояние не является обязательной чертой в клиническом течении меланхолической депрессии. Есть простые однократные, а также периодически повторяющиеся формы меланхолии, которые никогда не переходят в маниакальное состояние. С другой стороны, существуют меланхолии, при которых повод явно играет этиологическую роль. Это — случаи меланхолии, возникающие после потери любимого объекта, будь то смерть объекта или стечение обстоятельств, при которых происходит обратный отток либидо от объекта. Такая психогенная меланхолия также может перейти в манию, и этот цикл может повторяться многократно, так же как и при якобы произвольной меланхолии. Итак, соотношения очень неясны, тем более что до сих пор психоаналитическому исследованию были подвергнуты лишь немно-

гие формы и случаи меланхолии. Мы понимаем до сих пор только те случаи, в которых объект покидался в силу того, что он оказывался недостойным любви, затем «Я» опять воздвигало его путем идентификации, а «Я»-идеал строго осуждал его. Упреки и агрессивность в отношении к объекту проявляются как меланхолические самоупреки.

Переход в манию может непосредственно следовать и за такой меланхолией, так что этот переход является признаком, независимым от других характерных черт клинической картины.

Я не вижу препятствий к тому, чтобы принять во внимание момент периодического протеста «Я» против «Я»-идеала для обоих видов меланхолии, как для психогенной, так и для произвольной. При произвольной меланхолии можно предположить, что «Я»-идеал относится особенно строго к свободному выявлению «Я», следствием чего является потом автоматически его временное упразднение. При психогенной меланхолии «Я» побуждается к протесту вследствие того, что его идеал плохо относится к нему, а это плохое отношение является результатом идентификации «Я» с отвергнутым объектом.

Нарцизм и либидо

Термин «нарцизм» заимствован нами из описанной П. Накке в 1899 г. картины болезни. Термин этот применялся им для обозначения состояния, при котором человек относится к собственному телу как к сексуальному объекту, т. е. любит себя им с чувством сексуального удовольствия, гладит его, ласкает до тех пор, пока не получает от этого полного удовлетворения. Такая форма проявления нарцизма представляет из себя извращение, захватывающее всю область сексуальной жизни данного лица, и вполне соответствует тем представлениям и предположениям, с которыми мы обычно приступаем к изучению всех извращений.

Психоаналитические наблюдения обнаружили, что отдельные черты нарцистического поведения наблюдаются, между прочим, у многих лиц, страдающих другими болезненными явлениями; так, например, по Задгеру, у гомосексуальных лиц. В конце концов возникает предположение, что проявления либидо, заслуживающие название нарцизма, можно наблюдать в гораздо более широком объеме, и им должно быть уделено определенное место в нормальном сексуальном развитии человека.

Такие же предположения возникают в связи с трудностями, встречающимися во время психоаналитического лечения невротиков, так как оказывается, что такое нарцистическое поведение больных ограничивает возможность терапевтически влиять на них. Нарцизм в этом смысле является не перверсией, а либидинозным дополнением к эгоизму инстинкта самосохранения, известную долю которого с полным правом предполагают у каждого живого существа.

С тех пор как сделана была попытка осветить психологию *Dementia praecox* (Крепелин) или *Schizophrenia* (Блейлер) с точки зрения теории либидо, явился новый важный повод к тому, чтобы заняться вопросом о первичном нормальном нарцизме. У таких больных, которых я предложил назвать парафрениками, наблюдается две следующие основные характерные черты: бред величия и потеря интереса к окружающему миру (к лицам и предметам). Вследствие указанного изменения психики такие больные не поддаются воздействию психоанализа, и мы не можем добиться их излечения. Но необходимо более точно определить и выяснить признаки и особенности этого ухода парафреника от внешнего мира. Как у истерика, так и у невротика, страдающего навязчивыми состояниями, поскольку их болезнь отражается на их отношении к миру, нарушено нормальное отношение к реальности. Но анализ обнаруживает, что у таких больных тем не менее вовсе не утрачено эротическое отношение к людям и предметам, оно сохранено у них в области фантазии, т. е., с одной стороны, реальные объекты заменяются и смешиваются у них с воображаемыми образами, с другой стороны, они не делают никаких усилий для реального достижения своих целей, т. е. для действительного обладания объектами.

Только для этих состояний либидо и следует сохранить употребляемое Юнгом без строгого различия выражение: интроверсия либидо (*Introversion der Libido*). У парафреников дело обстоит иначе. У них, по-видимому, либидо совершенно отщепилось от людей и предметов внешнего мира без всякой замены продуктами фантазии. Там, где такая замена как будто наблюдается, дело идет, по-видимому, о вторичном процессе, о попытке к самоизлечению, выражающейся в стремлении вернуть либидо объекту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.